

Некоторые поразившие меня картины помню до сих пор, например "Ведьму" Богданова-Бельского (это не ведьма, а просто украинка) или, по-видимому, позднее, "Весну" Степанова. К музыке мама была равнодушна. Лучше сказать музыка была к ней равнодушна: у нее было абсолютное отсутствие музыкального слуха, наследственное от ее отца. Впрочем, в период примерно 1910-1917 гг. у родителей был абонемент (два места) в Большой театр, так что билет частенько перепадал и мне, но если пел Собинов и особенно Шаляпин - шли родители. Сверх того, у меня примерно с 1910-1912 гг. был свой детский абонемент (утром в воскресенье) в Большой, но это уже другая тема.

Свои художественные умения мама широко применяла, организуя вместе с приютскими ребятами и некоторыми воспитателями подготовку к праздникам, обычно рождественским. Залы школьного здания с елкой, столами с угощениями, зал для танцев и т.д. превращались расписанными декорациями в русские терема или дворцовые анфилады. Делались декорации и для домашних спектаклей, игравшихся воспитанниками, из которых я помню великолепную постановку "Женитьбы" Гоголя и чеховских вещей - "Злоумышленник" и др. Все роли, и женские в том числе, игрались мальчиками (приют был мужской). Когда в приюте появился инициативный учитель пения Лебедев, то была поставлена и опера-попурри. Что касается лично меня, я был мальчик крайне стеснительный, та единственная роль, в которой я фигурировал, и то однажды, была роль суфлера. Не знаю, получается ли из моего описания картина полнокровной, интересной для воспитанников и старших участников, дружной жизни приюта, но это было так, и мама играла здесь немалую роль, участвуя всей душой в жизни папиного детища - приюта. Из этих художественных забав "вышло и дело". Приют был нацелен на подготовку высококвалифицированных мастеров - слесарей, токарей, электриков. Однако выяснилось, что ряд воспитанников проявил себя одаренными художественно, но мало способными к мастерству натурой. Были приглашены преподаватели-художники, и группа приютских "ребят" завершила свое образование по этой специальности. Некоторые другие, более склонные к учебной работе, были устроены в учительские семинарии, в частности в киржачскую. Таким образом, мои родители жили душа в душу не только в семье, но и "в деле". Несмотря на то, что мама целиком плыла в фарватере мужа, жила его делами, думала как он, она далеко не была обезличена, полностью сохранила индивидуальность. Это особенно ярко проявилось в переломный 1917 г. и в катастрофический 1933 г. - год папиной смерти, которая должна была бы, казалось, раздавить маму, но она, напротив, нашла силы плодотворно работать и одна. Об этом, впрочем, после.